

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА

FUNCTIONAL GRAMMAR AND SEMANTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-2-712-727

EDN: MCDWZD

Научная статья / Research Article

Динамика морфологических норм русского языка XXI века: элиминация системных лакун vs грамматические архаизмы

Э.Г. Куликова , В.В. Барабаш

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
kulikova_ella21@mail.ru

Аннотация. Грамматическая система представляет собой три подсистемы — словообразование, морфологию и синтаксис, из которых наименее изученной в плане динамики норм представляется морфология. Статья дает описательно-аналитическую трактовку реально наблюдаемых языковых фактов в сфере морфологических форм русского языка, исследование их свойств, взаимосвязей и функционирования, то есть интерпретацию их с синхронной точки зрения. Доказывается, что многие из тех форм, которые представляются приметой последних десятилетий, являются элиминированными грамматическими лакунами. Но так как всякая синхрония условна, неизбежно, что и на рассматриваемом этапе развития русского языка некоторые из этих новых форм по сути оказываются грамматическими архаизмами. Особенно-стью корреляции этих феноменов — грамматических архаизмов и элиминированных лакун (представляющихся в синхронии новообразованиями), установлению причин реархизации грамматических форм — посвящена исследовательская часть статьи. Цель настоящей статьи состоит в установлении глубинных закономерностей, определяющих возможности морфологических форм к системным изменениям, что детерминирует и динамику грамматической нормы. Для достижения указанной цели наиболее адекватным представляется сочетание системно-описательного (с приемами внутриязыкового сопоставления, социолингвистической и лингвопрагматической интерпретации грамматических форм) и функционального подхода в диахроническом ракурсе, использование герменевтического инструментария, предполагающего актуализацию истолкования и объяснения. Эмпирическим материалом для исследования послужили главным образом медийные тексты на русском языке XXI в. (тексты иных периодов использовались только для сопоставления). Понятие элиминированной лакуны существенно для словоизменительных категорий, которые обнаруживают тенденцию к расширению парадигмы (именное число), и для словообразовательных категорий, увеличивающих охват лексических единиц (род одушевленных существительных). Современные

© Куликова Э.Г., Барабаш В.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

границы русского литературного языка предполагают в том числе и активную «реархаизацию» грамматических архаизмов в качестве интенциональных единиц нестандартного текста.

Ключевые слова: языковые изменения, нормативность, морфология, грамматические лакуны

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 21.11.2025; дата приема в печать: 5.12.2025.

Для цитирования: Куликова Э.Г., Барабаш В.В. Динамика морфологических норм русского языка XXI века: элиминация системных лакун vs грамматические архаизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 2. С. 712–727. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-2-712-727> EDN MCDWZD

Dynamics of Morphological Norms of the Russian Language in the XXI Century: Elimination of Systemic Lacunae vs Grammatical Archaisms

Ella G. Kulikova^{ID}✉, Victor V. Barabash^{ID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉kulikova_ella21@mail.ru

Abstract. The authors present descriptive and analytical interpretation of actually observed morphological forms in the modern Russian language, the study of their features, relationships and functioning, that is, their interpretation from a synchronous point of view. The article proves that many of the forms that seem to be a sign of recent decades are eliminated grammatical lacunae. Since any synchrony is conditional, in modern Russian it is inevitable for some of these new forms to turn out grammatical archaisms. The research part is devoted to the peculiarities of the correlation of these phenomena — grammatical archaisms and eliminated lacunae (appearing in synchrony as neoplasms), and the detection of grammatical forms “rearchaization”. The purpose of this article is to establish deep patterns determining the abilities of morphological forms for systemic changes, which determines grammatical norm dynamics. To achieve this purpose, the combination of system-descriptive (with techniques of intra-linguistic comparison, sociolinguistic and linguopragmatic interpretation of grammatical forms) and functional approach in a diachronic perspective, the use of hermeneutic tools involving the actualization of interpretation and explanation is supposed to be most appropriate. First of all, the empirical material was media texts in Russian of the XXI century. The concept of an eliminated lacuna is significant for inflectional categories that present a tendency to expand the paradigm (number of noun), and for word-formation categories increasing the coverage of lexical units (genus of animate nouns). Modern boundaries of the Russian literary language include active “rearchaization” of grammatical archaisms as intentional units of a non-standard text.

Keywords: linguistic changes, normativity, morphology, grammatical lacunae

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: The authors stated that there were no conflicts of interest.

Article history: Received: 22.11.2025; accepted: 5.12.2025.

For citation: Kulikova, E.G., & Barabash, V.V. (2026). Dynamics of Morphological Norms of the Russian Language in the XXI century: Elimination of Systemic Lacunae vs Grammatical Archaisms. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 17(2), 712–727. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-2-712-727> EDN MCDWZD

Введение

В теоретической морфологии многие проблемы нередко представляются решенными, поскольку уже даны завершённые списки узуальных грамматических форм всех категорий, а в нарративной грамматике морфологические формы чаще всего расцениваются как имеющие зависимое и второстепенное значение для текстопорождения и потому также не подвергаются специальному исследованию. Как известно, явления, традиционно относимые к морфологии, нередко могут быть интерпретированы на синтаксическом уровне. Более того, в англоязычной традиции популярна идея устанавливать практически равенство между морфологией и синтаксисом, определять, таким образом, грамматику обобщенно и рассматривать явления морфологии как принадлежащие либо лексике, либо синтаксису. Цель настоящей статьи состоит в установлении глубинных закономерностей, определяющих возможности морфологических форм к системным изменениям, что детерминирует и динамику грамматической нормы. Для достижения указанной цели наиболее адекватным представляется сочетание системно-описательного (с приемами внутриязыкового сопоставления, социалингвистической и лингвопрагматической интерпретации грамматических форм) и функционального подходов в диахроническом ракурсе, использование герменевтического инструментария, предполагающего актуализацию истолкования и объяснения. Эмпирическим материалом для исследования послужили медийные тексты на русском языке XXI в.; тексты иных периодов использовались только для сопоставления.

Полагаем, что вопрос о соотношении морфологии и синтаксиса вновь приобретает остроту для русской грамматики в связи с тотальной аналитизацией. Исследование грамматических явлений в лингвистике требует постоянного обновления эмпирического материала, поскольку именно такой анализ позволит выявить сохранение или изменение тенденций в грамматической системе конкретного языка, в частности русского. Динамика социалингвистических факторов в социуме закономерно влияет не только на лексику, но, опосредованно, также и на грамматику.

Дискуссия

Толерантность языковой нормы и элиминирование лакун

Общим тезисом о современной языковой норме стала констатация ослабления (даже падения) порога нормативности. основополагающая гуманитарная идея толерантности распространилась и на сферу языковой нормы: авторитарная нормативность уступила место нормативности эластичной,

рекомендательной, в высшей степени демократичной (что проявилось в необыкновенном расширении сферы действия лексикографической пометы «доп.» — допустимо: средний род слова «кофе» и под.). Классическая отечественная лингвистика, начиная от Л.В. Щербы и В.В. Виноградова, отстаивала идею непродуктивности чрезмерно строгой нормализации на том основании, что норма в себе таит свое отрицание, ибо она постоянно подтачивается стремлением к неординарному (а значит, не соответствующему строгой норме) способу выражения как лексической, так и грамматической семантики. Как писал В.Г. Костомаров [1. С. 27], неизбежно появление «правильных неправильностей», поскольку, «с одной стороны, люди стремятся к порядку и однозначности, а с другой — к свежему разнообразию и яркой выразительности». См. также: [2. С. 126—133]. В современной лингвистике о «правильных неправильностях» идет речь в рамках теории лакунарности [3—14]. В рамках этой теории достигнуто понимание того, что наличие грамматических лакун может компенсироваться в системе языка. Системные лакуны представляют собой часть языковой картины мира, отражающей определенные этапы в его познании; они (как и наличествующие единицы) фиксируют национальную уникальность каждой лингвокультуры. Заполнение вакантных ячеек системы принято называть элиминированием лакун; для наименования восполняющих единиц применяется не безупречное с точки зрения логики наименование «элиминированные лакуны» (противоречие, собственно, в том, что исходная семантика слова «лакуна» не предполагает наличествующей реальной единицы). Термин этот, однако, широко распространен (см. перечисленные работы по лакунологии), применяется как к лексическим единицам, так и к грамматическим (морфологическим) формам.

Элиминирование интраязыковых лакун

Представления о морфологии как области чистой формы давно ушли в прошлое, акценты грамматической мысли сместились, и общепризнанным стало положение о том, что учет содержательной стороны грамем ведет к более объемному и сущностному пониманию формального строя языка. «Семантика — как лексическая, так и грамматическая — не может быть оторвана от всех тонкостей концептуализации, а также не может быть оторвана от социокультурных и прагматических факторов» [15. С. 591]. Так, нетривиальные грамматические формы числа могут быть вызваны к жизни именно совокупностью таких факторов. Существительное «риск» оказалось в современном языке «доминантно плюральным» (этот термин традиционно применяют для «нестойких» *pluralia tantum* типа *глаза*, *ботинки* и под.), поскольку понятие о риске стало в высшей степени дифференцированным. Плюральное использование этого слова типично не только для экономического и политического дискурсов, где оно используется в значениях ‘вероятность убытка или недополучения доходов по сравнению с прогнозируемой ситуацией’ и ‘мера опасности’ (*правовые, валютные, финансовые, банковские риски* и под.;

ср.: *Наступило время — такое периодически случается в истории, — когда волей-неволей приходится выбирать сторону. И вместе с тем все сопутствующие выбору **риски***¹. Показательно название лингвистической статьи «Речевые **риски** цифровой эпохи...» [16]. То есть слово, заимствованное еще в XVIII в., подверглось семантической и грамматической трансформации именно под влиянием экстралингвистических условий [17. С. 33–35], и элиминированная лакуна (плюратив «риски») стала не только средством выразительности-оживления, нарушения монотонности восприятия (как большинство элиминированных лакун), но приобрела частотность и нормативный статус.

Задолго до того, как лакунология оформилась как достаточно строгая теория, было очевидно, что потенции грамматической формализации неизмеримо богаче ее наличествующего содержания. А.А. Зализняк² писал о потенциальных плюративах к любому существительному неконкретной семантики; Г.О. Винокур³ — о потенциальных коррелятах женского рода (феминитивах), которые не функционируют в узусе, однако при необходимости всегда могут быть образованы и адекватно поняты. Вполне ясно было и то, что такие потенциальные формы востребованы прежде всего художественным дискурсом с его стремлением преодолеть стандарт (ср. предложенную трактовку понятия «интенциональность грамматической формы» в работах А.В. Бондарко, которая разрабатывается затем во многих трудах по грамматической стилистике; ср. также коррелирующие понятия авторского употребления, преднамеренной аномалии и дискурсивного слова). Проблема, однако, в каждом конкретном случае состоит в том, чтобы объяснить, при каких условиях неузуальное образование, восполняющее пробел в системной парадигме, может приблизиться к норме.

Множественное гетерогенное от существительных неконкретной семантики, отражающее неоднородность объекта, становится обычным по мере того, как все более детально и подробно познается сама эта неоднородность, ср.: *Но в другом мире несколько иные законы. Там открываются **все памяти** — кем человек был до того, как попал на небо. Мы живем, не зная, что с нами было, а там — полная информация о каждом из нас. Причем и о будущем*⁴.

Такие элиминированные лакуны могут приобретать только дискурсивную узуальность (что отражается даже в лексикографических пометах: *памяти*, мн. научное, *плесени*, мн. научное). Но нередко эти формы становятся достоянием и обиходного языка. На такую особенность современной речи обратила внимание И.Б. Левонтина: «Обществу потребления

¹ Власов П. Эффект Чебурашки // Культура. 2023. № 1. С. 2.

² Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Рус. словари, 2003.

³ Цит. по: Бондарко А.В. К проблеме интенциональности в грамматике // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 29–42.

⁴ Бурляев Николай. Смерти не боюсь – я уже был на том свете // Экспресс-газета. Спецвыпуск. 2021. № 9.

предлагаются готовые номенклатуры всего — в том числе вкусов, запахов, удовольствий», и к традиционному плюративу «цвета́» прибавились «пять вкусов» и семь запахов». «Потребителю остается только ткнуть пальцем — выбрать. Все каталогизировано, посчитано, только что не пронумеровано» [18. С. 100].

Плюрализация онимов также может быть отнесена к элиминированию лакун, поскольку это регулярный процесс, в результате которого вовсе необязательно осуществляется деонимизация. Случаи типа *Молчалины блаженствуют на свете* теперь уже традиционно объясняются с помощью понятия эллиптического плюраля, обозначающего множество с маркированным подмножеством (о разработке этого понятия и его применении к плюральным онимам (см.: [19]). Помимо эллиптического плюраля объяснительной силой в данном случае обладает понятие приблизительного множественного. Ср. формулировку О. Есперсена [20. С. 220], который подчеркивал: «Когда в одной форме объединяются несколько предметов или лиц, не принадлежащих в точном смысле к одному виду, мы будем называть ее формой «приблизительного» множественного числа (plural of approximation)».

У антономазии такого типа находят черты метафоры (О.С. Ахманова), метонимии (И.Г. Гальперин, А.П. Квятковский) и синекдохи (Ж. Дюбуа). Наиболее типичное прагматическое созначение таких форм — пейоративность, которая характерна для всех типов онимов — антропонимов, топонимов и всех разновидностей искусственной ономастики; ср.: *А мне не нравятся фильмы, этот муляж весь модного кино, этот кинематический дизайн, — как я его называю. Потому что это не искусство кино, а скорее кинематический дизайн. Ну абсолютно все эти «Девятые роты», и прочие «Жары»⁵. И в самом деле — это лет пятнадцать назад те, кто ехал проводить время за границу, считались богатеями, а остальные злобно шептали вслед — ничего, ничего, гуляйте там в своих Шарм-эль-шейхах, а мы и дома...⁶.*

Антономасии на основе числа представляют собой своего рода универсалию, во всяком случае, они вполне типичны в диахронии для языков европейского стандарта [21], но в каждом конкретном языке они являются элиминированными лакунами, восполняющими числовую парадигму, и при этом передают оценочность, которая складывается в каждой лингвокультуре особым образом под влиянием экстралингвистических факторов.

Одну из ярких примет современных языковых изменений в сфере морфологии можно обозначить как свободное градуирование. Оно проявляется в расширении парадигматики компаративности. Если прежде неузуальные степени сравнения (причем не только от прилагательных всех разрядов, но и от имен существительных и местоимений) были чертой поэтических идиостилей (например — М. Цветаевой), то сегодня это обыденный медийный и рекламный прием, ср.: *Мне кажется, что действительность превосходит всякое*

⁵ Интервью с Т. Москвиной // Особое мнение, 18 декабря 2020 г.

⁶ Москвина Т.В. Общая тетрадь. М. : АСТ, Астрель, 2009.

воображение Алексея Балабанова. И он бы не мог придумать ничего такого, чего не было. Нет, он человек не больной, а он человек творческий, беспокойный. Другой бы отмахнулся, а вот он думает, переживает. **Вот очень русский, очень интересный**⁷. Это я намекала на фильм «Королевство кривых зеркал», где подхалимы-придворные величают короля Ягунопа «**наикорольшим** из королей»⁸. Двухэтажное здание школы № 6 на улице Семинарской находится в историческом центре Рязани. «**Центральнее**» некуда: в 10 минутах ходьбы — Рязанский кремль, в восьми минутах — Рязанское епархиальное управление⁹.

Оживленные дискуссии вызывает сегодня элиминирование лакун — коррелятов к антропонимам мужского рода [4; 22–26], поскольку именно в последнее десятилетие активизировались образования типа «блогерка», «поэтка», «режиссерка», «авторка» и под. Они вызывают эмоциональные отрицательные оценки: Татьяне Толстой не нравится слово «авторка», как в свое время А. Ахматовой, М. Цветаевой, а затем и Б. Ахмадулиной претило слово «поэтесса», ныне вполне узуальное. Ср.: А. Балув: *До этого в течение последних 7 лет из Ксении Анатольевны делали политическую даму. Началось все с Болотной, где она показала, что вполне себе оппозиционерка и либералка*¹⁰. Федор Бондарчук, которому молодая жена-актриса, дебютировавшая в качестве **сценаристки** сериала «Псих», — Паулина Андреева несколько дней назад родила сына Ваню, стал гостем **журналистки** ...¹¹.

В последнем примере очевидно различие степени узуальности двух женских коррелятов, поскольку в приведенном контексте первый феминитив может быть заменен формой мужского рода — «сценарист», в то время как замена второго проблематична: вне сугубо официального стиля более приемлем именно феминитив («журналистка»). Ср. также: *Вот и я выползла на улицу, ковыляю по центру и думаю: что же это мне не то чтобы хорошо, а как-то... менее противно. И вдруг осенило — так сняли наконец это жуткое новогоднее освещение! Нет больше синих деревьев, красных волн, фиолетовых звезд, зеленых месяцев и прочих нечеловеческих красот, олицетворявших, наверное, мечту о прекрасном **кассирии** со станции Хацапетовка*¹².

В этом примере феминитив в обычной роли — пейоративной оценки, однако особенность последнего десятилетия состоит в том, что эта функция феминитивов перестает быть главной. Напротив, новые феминитивы, скорее всего, есть порождение четвертой волны феминизма, докатившейся до России, и они (по мысли тех, кто их внедряет) должны как раз символизировать равенство и достоинство.

⁷ Интервью с Т. Москвиной // Особое мнение, 18 декабря 2020 г.

⁸ Москвина Т.В. Общая тетрадь. М. : АСТ, Астрель, 2009.

⁹ Собеседник. 2021. № 29. С. 6. Минюстом РФ включен в список иноагентов.

¹⁰ Собеседник. 11 марта 2021 г. Минюстом РФ включен в список иноагентов.

¹¹ Экспресс-газета. 2021. № 11.

¹² Москвина Т.В. Общая тетрадь. М. : АСТ, Астрель, 2009.

Вопреки представлениям о том, что собирательные существительные представляют собой архаический концепт, который должен постепенно утратиться с упрочением грамматического противопоставления по числу, в рамках этого разряда наблюдается элиминирование лакун, то есть образование новых имен с морфемными показателями собирательности. Ср.: Заголовок «*Паровозня*». Лид: *партии выставляют на выборы в Госдуму кандидатов «паровозов», которые позволяют им выиграть кампанию — а потом замечают их на нужных людей*¹³.

Если все рассмотренные языковые факты могут быть квалифицированы как элиминирование интраязыковых лакун, то масштабная аналитизация русского языка последних десятилетий имеет прямое отношение к межъязыковой лакуарности.

Элиминирование межъязыковых лакун

Как известно, далеко не все авторы признают оба типа лакун [26], однако бесспорно, что общий признак релятивности объединяет интраязыковые и межъязыковые лакуны. Поэтому можно считать, что сущностно они не различаются, а способ выявления по отношению к системе сопоставляемого языка или в рамках одного языка не может иметь решающего значения для признания/непризнания того или иного вида лакуарности. Полагаем, что нарастание черт аналитизма в грамматике русского языка может быть рассмотрено как усиление лакуарности (нарастание различий) по отношению к тем славянским языкам, которые не обнаруживают такой тотальной аналитизации (сербскому, чешскому и отчасти польскому), и как элиминирование лакун (приближение к грамматическому строю) аналитических языков типа английского.

С одной стороны, бесспорно, что «русский язык в ходе исторического развития сохранил и существенно расширил свои синтетические возможности и арсенал синтетических средств» [27. С. 239], а с другой стороны, процесс аналитизации, который начался еще в XVIII в. с появлением первых нарицательных несклоняемых заимствованных существительных, именно в XXI в. приобрел особый динамизм [28]. В то время как в других славянских языках заимствования из западноевропейских языков (английского, французского) с разной степенью последовательности включаются в соответствующую парадигму склонения, в русском языке нарастают черты аналитизма. В настоящее время несклоняемых нарицательных существительных в русском языке, по разным оценкам, от 3000 до 5000, растет число инициальных аббревиатур, не имеющих системы словоизменения, и, самое примечательное, беспрецедентно возросло число аналит-прилагательных. Эту категорию в конце XX в. ввел в научный обиход М.В. Панов [29], который убедительно

¹³ Новая газета. 26 июля 2021 г. Минюстом РФ гл. редактор «Новой газеты» включен в список иноагентов.

доказал, что это особая часть речи (а не разряд с нулевым склонением внутри традиционного прилагательного, поскольку русское прилагательное как часть речи организуется именно как согласуемая единица — это его категориальный признак). М.В. Панов перечислил полтора десятка разрядов аналит-прилагательных, среди которых были и совсем малочисленные. За прошедшие два десятилетия положение дел в корне изменилось: практически любое имя, даже вновь появившееся в языке, может выполнять функцию аналит-прилагательного. Ср. массовые образования со словом «ковид» типа *ковид-госпиталь*, *ковид-диссиденты*.

Источником распространения таких конструкций иногда считают язык рекламы. И.Б. Левонтина вполне справедливо отмечает: «...авторы не рассчитывают, что покупатель в магазине будет читать этикетку внимательно. Его глаз, скользя по полкам с товарами, выхватывает отдельные слова. И тут лучше, чтобы ключевые слова были в начальной форме. <...> Русский язык с его богатой морфологией — чистое наказание для писателя этикеток» [18. С. 268–269]. Отсюда использование таких обозначений, как *йогурт малина* (вместо малиновый) и даже *немолукс лимон сода эффект*.

Хотя приведенное наблюдение сомнений не вызывает, надо иметь в виду, что у тотального распространения аналит-прилагательных и вообще аналитизации более глубокие корни. С точки зрения классиков компаративистики, утрата флексий — диахроническая универсалия, при том, что, конечно, процесс идет в разных языках с разной степенью интенсивности. Как известно, в XIX в. приводилась следующая аргументация: усиление мыслительного компонента в деятельности человека определяло ослабление формы его языкового выражения, ибо набравший силу дух не нуждается, как прежде, в «замысловатых» языковых формах»¹⁴. Аналитический английский неслучайно считается в высшей степени эффективным: несложная (но вполне достаточная для выражения всех семантических нюансов) грамматика, отсутствие «назойливого» дублирования грамматической семантики (неизбежное во флективном языке), максимальное соответствие принципу экономии языковых и мыслительных усилий. О движении грамматики русского языка «в сторону английского», как известно, упоминал еще В.И. Ленин (имея в виду несклоняемые аббревиатуры и заимствования типа *метро*). И в наше время мы наблюдаем это ускоренное движение. Помимо приведенных фактов, в ряду явлений аналитизации нередко рассматривают утрату флективности у сложных и составных числительных, которые в разговорной речи обнаруживают отчетливую тенденцию к противопоставлению только двух типов форм — одну для именительного и винительного падежей, другую — для всех остальных. Масштабность явления свидетельствует, что это не просто отдельные нарушения грамматических норм отдельными недоучившимися носителями языка, а процесс, имеющий глубокие основания.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 8. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. С. 60.

Итак, грамматические изменения, которые могут быть соотнесены с грамматической лакунарностью, обнаруживаются во многих звеньях системы, и изменения эти чаще всего видятся как новые явления.

Результаты

Элиминация системных лакун vs грамматические архаизмы

Однако при диахроническом анализе оказывается, что многие из рассмотренных элиминированных лакун коррелируют с грамматическими архаизмами. Так, многие из феминитивов, которые на синхронном срезе представляются производными феминистских идей конца XX — начала XXI вв., были известны еще в XIX в. К примеру, известно, что феминитив «поэтка» вовсе не новейший неологизм; он был впервые употреблен еще в 1842 г. [22. С. 6–22; 23. С. 7–26].

В целях стилизации Ю.Н. Тынянов в своем повествовании о Пушкине применяет многие феминитивы, имевшие хождение в пушкинскую эпоху: *Коли б не нетерпение, так была б музыкантка*, — сказала Марья Алексеевна. *Модная французская живописица Виже–Леорань писала теперь каждый день портреты модных красавиц и написала в два присеста крохотный портрет Надежды Осиповны, очень милый, с локонами*¹⁵.

Вопрос в том, почему эти образования в течение десятилетий (даже столетий) оставались на периферии, во многом лежит в плоскости экстралингвистики. Показательно, например, что чрезвычайно активизировались такие номинации в первые годы советской власти, о чем свидетельствует материал Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. Многочисленные номинации типа *трактористка*, *красноармейка*, *избачка*, *птицеводка* и под. знаменовали новое положение женщины в стране победившего социализма. Затем бум на такого рода номинации прошел. Очевидно, что и сегодняшняя волна феминитивов имеет своим истоком социальные причины — от степени распространенности соответствующей профессии среди женщин (*режиссерка*, *сценаристка*) до общих идей политкорректности и толерантности.

Что касается элиминированных числовых лакун, характерных для современных текстов, то они также нередко оказываются «квазинеологизмами», которые использовались еще в текстах XIX в. Ср. фрагмент из последней книги А. Ширвиндта: *Когда мне стукнуло 85, я подумал, что это вполне серьезная цифра, чтобы себя сформулировать. Не получается. Мешают трусость и инфантильность. Трусость закрывает глаза на количество вин (не выпитых вин, что тоже можно инкриминировать, а совершенных за этот немалый срок проступков), а инфантильность бросает в слезливое оправдание моральных и физических преступлений, совершенных в борьбе с действительностью*¹⁶.

¹⁵ Тынянов Ю.Н. Пушкин. Ленинград : Гослитиздат, 1938.

¹⁶ Ширвиндт А.А. Опережая некролог. М. : КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2022.

Множественное число от слова «вина» (в родительном падеже составляющее омоформу к слову «вино») представляется настолько необычным современному языковому сознанию, что автор делает этот шуточный комментарий в скобках и разъясняет смысл с помощью синонима *проступки*. Между тем это самая обычная форма в классической литературе XIX в., которая нередко встречается в текстах И.А. Крылова, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, Н.А. Некрасова и памятна носителям русского языка по школьной программе (*Досуг мне разбирать вины твои, щенок или За каплю крови, общую с народом, мои вины, о родина, прости*). И если для плюратива «риски» в современных реалиях сложились условия, позволяющие этой форме войти в узус, то слово «вина» никаких семантических приращений, которые повлияли бы на числовое поведение, не приобрело. Поэтому элиминированная лакуна «вины» остается интенциональной формой, незаменимой для передачи прагматических оттенков смысла (иронии, пейоративности), для создания оригинального текста [31], но не пригодной для стандартного использования.

Иные из рассмотренных грамматических инноваций — более свободное градуирование (в том числе образование степеней сравнения от существительных), широкое распространение аналит-прилагательных — находят серьезное обоснование в диахронии. Если вспомнить, что современное прилагательное развилось из прежде недифференцированного имени (которое могло, в зависимости от синтаксической позиции, выступать в качестве как существительного, так и прилагательного), то сегодняшние аналит-прилагательные представляются воплощением такого недифференцированного имени (ср. *удачный бизнес* и *бизнес-план*). Новые образования по продуктивным моделям в сфере собирательных имен опираются на субъективно-качественное представление множества, которое свойственно классу собирательных имен и благодаря которому этот класс даже после оформления грамматической категории числа (а собирательность исторически предшествовала множественному числу как способ представления грамматической семантики плюральности) остался живым и продуктивным.

Полагаем, что элиминированные грамматические лакуны (как рассмотренные, так и многие другие, например, будущее время русских причастий, расширение зоны переходности глагола как отражение активного действия; об этих изменениях в русской грамматике (см.: [30; 31]) могут быть включены в новые грамматические описания (наряду с дискурсивным анализом грамматических форм), в том числе в новую академическую грамматику, контуры которой стремятся наметить многие грамматисты [32; 33]. Такие единицы способствуют точности и выразительности словоупотребления и в то же время препятствуют «нормативному хаосу» [34; 35], преодолевают нарастающее в социуме безразличие к точному выбору слова вообще и нюансам грамматической семантики в частности.

Заключение

Итак, понятие элиминированной лакуны существенно для словоизменительных категорий, которые обнаруживают тенденцию к расширению парадигмы (именное число), и для словообразовательных категорий, увеличивающих охват лексических единиц (род одушевленных существительных). 40 лет назад было высказано мнение о том, что развитие таких категорий, как словоизменительное число и словообразовательный именной род, идет по пути усиления грамматической регулярности, то есть наращивания парадигмы, или, говоря в терминах лакунологии, поступательного компенсирования (элиминирования) системных лакун. По прошествии времени стало очевидно, что это движение не столь однозначно и одномерно. Есть сферы, перманентно активные (антономазии на базе категории числа), есть области, где указанная тенденция действует избирательно — затрагивая только определенные лексико-семантические пласты. В последнем случае играет роль широкозначность семантики, возможность градуирования исходного понятия. Современные границы русского литературного языка предполагают в том числе и активную «рearхаизацию» грамматических архаизмов в качестве интенциональных единиц нестандартного текста.

Список литературы

1. *Костомаров В.Г.* Стилистика, любовь моей жизни. СПб. : Златоуст; М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019.
2. *Киров Е.Ф.* Рецензия на монографию В.Г. Костомарова «Стилистика, любовь моей жизни...». СПб. : Златоуст; М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019 // *Русистика*. 2020. Т. 18. № 1. С. 126–133. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-126-133> EDN: XIUUGV
3. *Акай О.М., Беляева И.В.* Дескриптивная лакунографическая грамматика в свете идей проективной лингвистики // *Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. статей V Международной научно-практической конференции*. Москва, РУДН, 22–23 апреля 2021 г. : в 2 т. М. : РУДН, 2021. Т. 1. С. 64–67. EDN: HQUQFA
4. *Антонова Е.Б.* Проблемы внедрения феминитивов-неологизмов в языковую систему современного русского языка // *Молодой ученый*. 2020. № 26 (316). С. 227–233. EDN: MGQAXX
5. *Беляева И.В., Куликова Э.Г.* Заимствование морфем как элиминирование лакун: «инговые» формы в русском языке // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2019. № 6 (822). С. 108–121. EDN: UEYWQS
6. *Ибрагимова К.Г., Рыкова П.А.* Межъязыковая лакунарность в синхронном переводе в рамках языка для специальных целей (на материале английского и русского языков) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 11. С. 3565–3570. <https://doi.org/10.30853/phil210561> EDN: TLOYTC
7. *Куликова Э.Г., Акай О.М., Беляева И.В.* Элиминированные лакуны vs потенциальные грамматические формы: корреляция понятий // *Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире»*. 2020. №. 4. С. 98–104. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.04.P.098> EDN: ANYOCQ
8. *Мануковская Т.В., Смотровая И.В., Сложеницына Л.В.* Понятие «Языковая лакуна» в современной лингвистике на основе славянских и романо-германских языков // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 2 (80). Ч. 1. С. 120–123. EDN: YODNLK

9. *Anokhina T.* The Linguistic Lacunicon: Cognitive Mapping in Schemes and Terms // *The Journal of Education, Culture and Society*. 2013. Iss. 1. P. 166–172. <https://doi.org/10.15503/jecs20131.166.174> EDN: DURVMR
10. *Grodzki E.* Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising. Frankfurt am Main; Berlin : Lang, 2003.
11. *Jolowicz J.O.* Lacuna theory in intercultural communication: Focus on axiological lacunae // *Вопросы психолингвистики*. 2006. Iss. 3. С. 58–77. EDN: JYCTJV
12. *Kshenovskaya (Sagnayeva) U.L.* Cultural Gaps and Ways of Eliminating Them // *Text Processing and Cognitive Technologies*. 2011. Iss. 20. P. 107–110.
13. *Panasjuk I., Schröder H.* Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung. Münster–BerlinHamburg–London–Wien : LIT Verlag, 2006.
14. *Sun Y.* (Un)translatability and Cross-Cultural Readability // *Perspectives: Studies in Translatology*. 2012. Vol. 5. Iss. 20. P. 231–247.
15. *Бородай С.Ю.* Язык и познание. Введение в пострелятивизм. М. : Садра: ЯСК, 2020.
16. *Иванчук И.А.* Речевые риски цифровой эпохи на пересечении функциональных стилей (федеральный и региональный аспекты нормализаторской деятельности) // *Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей V Международной научно-практической конференции*. Москва, РУДН, 22–23 апреля 2021 г. : в 2 т. М. : РУДН, 2021. Т. 1. С. 364–365. EDN: AXQOLH
17. *Захарова Е.В.* Семантические трансформации отвлеченного существительного «риск» // *Язык в различных сферах коммуникации: материалы II Международной научной конференции*. Чита : Забайкальский государственный университет, 2016. С. 33–35. EDN: YJENWR
18. *Левонтина И.Б.* Русский со словарем. М. : АСТ: CORPUS, 2017.
19. *Акай О.М.* Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2020. EDN: TVCBNH
20. *Есперсен О.* Философия грамматики. М. : УРСС, 2002.
21. *Зими́на Е.А., Мюллер, Ю.Э.* Оценочный потенциал антономазии в языке современной немецкоязычной прессы // *Филологические науки в МГИМО*. 2021. № 7. С. 27–36. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-27-36> EDN: FXOSRC
22. *Беркутова В.В.* Феминитивы в русском языке: исторический аспект // *Филологический аспект*. 2018. № 11 (43). С. 6–22.
23. *Беркутова В.В.* Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // *Филологический аспект*. 2019. № 1 (45). С. 7–26. EDN: YWXSTB
24. *Гузаерова Р.Р., Косова В.А.* Специфика феминитивов в современной русском медиапространстве // *Филология и культура. Philology and culture*. 2017. № 4 (50). С. 11–15. EDN: YLSHMI
25. *Пугачева Е.В.* Феминитивы: неологическая картина (по данным словарей) // *Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка*. Москва, 20–23 марта 2019 г. Труды и материалы. М. : Изд-во МГУ, 2019. С. 88–89.
26. *Секерина М.Е., Захарова Ю.Г.* Феминитивы в языке блогов // *Гуманитарные научные исследования*. 2017. № 4. Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2017/04/23665> (дата обращения: 20.10. 2025). EDN: YNDADV
27. *Шульга М.В.* О векторе развития русской морфологической системы // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2017. Т. 16. № 4. С. 232–242. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.23> EDN: YTSDDN
28. *Сенько Е.В.* Аналитическое усилие современного русского языка // *Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы V Международный конгресс исследователей русского языка*. Москва, 18–21 марта 2014 г. М. : Изд-во Московского университета, 2014. С. 143–144. EDN: TTQBTZ
29. *Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М. : Наука, 1999.

30. Булатбаева К.Н., Саркисеева Г.К., Айтжанов К.Б. Окациональное в современном языке: новые аспекты анализа // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 1(106). С. 10–16. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2020.51.80.002> EDN: WOFAOB
31. Энштейн М.Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
32. Радбиль Т.Б. Национальная специфика грамматики русского языка: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Русская грамматика: сборник тезисов Международного научного симпозиума. Москва, 13–15 апреля 2016 г. М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 96–99. EDN: XGTGKF
33. Рогова К.А. На пути к новой академической грамматике // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 5–12. EDN: XWLMHZ
34. Хазагеров Г.Г. Риторический манифест. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской риторической школы, 2020.
35. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Рецензия на «Риторический манифест» Г.Г. Хазагерова (Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской риторической школы, 2020. 45 с.) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 1. С. 185–193. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(1\).185-193](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(1).185-193) EDN: GXTAFS

References

1. Kostomarov, V.G. (2019). *Stylistics, the Love of My life*. Saint Petersburg: Zlatoust publ.; Moscow: Gos. A.S. Pushkin IRL publ. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-126-133> EDN: XIUGV
2. Kirov, E.F. (2020). Review on the Monograph “Stylistics, the Love of My Life...” V.G. Kostomarov. *Russian Language Studies*, 18(1), 126–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-126-133> EDN: XIUGV
3. Akay, O.M., & Belyaeva, I.V. (2021). Descriptive Lacunographic Grammar in the Light of The Ideas of Projective Linguistics. In: *Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture*: Collection of Articles of the V International Scientific and Practical Conference. Moscow, RUDN University, April 22–23, 2021: in 2 vols. (Vol. 1. pp. 64–67). Moscow: RUDN publ. (In Russ.). EDN: HQUQFA
4. Antonova, E.B. (2020). Problems of Introducing Femininitives-Neologisms Into the Linguistic System of the Modern Russian Language. *Young Scientist*, 26 (316), 227–233. EDN: MGQAXX
5. Belyaeva, I.V., & Kulikova, E.G. (2019). Morpheme Borrowing as Elimination of Lacunae: “ing” Forms in Russian. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (822), 108–121. (In Russ.). EDN: UEYWQS
6. Ibragimova, K.G., & Rykova, P.A. (2021). Interlanguage Lacunarity in Simultaneous Translation within the Framework of a Language for Special Purposes (Based on the Material of English and Russian Languages). *Philology. Theory & Practice*, 14(11), 3565–3570. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil210561> EDN: TLOYTC
7. Kulikova, E.G., Akay, O.M., & Belyaeva, I.V. (2020). Eliminated Lacunae Vs Potential Grammatical Forms: Correlation of Concepts. *Vestnik of the Russian New University. The series “Man in the Modern World”*, 4, 98–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.04.P.098> EDN: ANYOCQ
8. Manukovskaya, T.V., Smotrova, I.V., & Kolesenitsyna, L.V. (2018). The Concept of “Linguistic Lacuna” in Modern Linguistics Based on Slavic and Romano-Germanic Languages. *Philology. Theory & Practice*, 2 (80), I, 120–123. (In Russ.). EDN: YODNLK
9. Anokhina, T. (2013). The Linguistic Lacunicon: Cognitive Mapping in Schemes and Terms. *The Journal of Education, Culture and Society*, 1, 166–172. <https://doi.org/10.15503/jecs20131.166.174> EDN: DURVMR

10. Grodzki, E. (2003). *Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising*. Frankfurt am Main; Berlin: Lang.
11. Jolowicz, J.O. (2006). Lacuna Theory in Intercultural Communication: Focus on Axiological Lacunae. *Journal of Psycholinguistics*, 3, 58–77. EDN: JYCTJV
12. Kshenovskaya (Sagnayeva), U.L. (2011). Cultural Gaps and Ways of Eliminating Them. *Text Processing and Cognitive Technologies*, 20, 107–110.
13. Panasiuk, I., & Schröder, H. (2006). *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung*. Münster – Berlin/Hamburg – London – Wien: LIT Verlag.
14. Sun, Y. (2012). (Un)translatability and Cross-Cultural Readability. *Perspectives: Studies in Translatology*, 5(20), 231–247.
15. Borodai, S.Y. (2020). *Language and Cognition. Introduction to Post-Relativism*. Moscow: ООО «Sadra»: YASK publ. (In Russ.).
16. Ivanchuk, I.A. (2021). Speech Risks of the Digital Age at the Intersection of Functional Styles (Federal and Regional Aspects of Normalizing Activities). In: *Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture: Collection of Articles of the V International Scientific and Practical Conference*. (Moscow, RUDN University, April 22–23, 2021): in 2 vols. (Vol. 1. pp. 364–365). Moscow: RUDN University publ. (In Russ.). EDN: AXQOLH
17. Zakharova, E.V. (2016). Semantic Transformations of the Abstract Noun “Risk”. In: *Language in Various Fields of Communication: Proceedings of the II International Scientific Conference* (pp. 33–35). Chita: Zabaykalsky State University publ. (In Russ.). EDN: YJENWR
18. Levontina, I.B. (2017). *Russian with a Dictionary*. Moscow: AST CORPUS publ. (In Russ.).
19. Akay, O.M. (2020). *The Phenomenon of Grammatical Lacunarity: Cognitive and Linguopragmatic Aspects*. Rostov-on-Don: YUFU publ. (In Russ.). EDN: TVCBNH
20. Espersen, O. (2002). *Philosophy of Grammar*. Moscow: URSS publ. (In Russ.).
21. Zimina, E.A., & Muller, Yu.E. (2021). The Evaluative Potential of Antonomasia in the Language of the Modern German-Language Press. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 7, 27–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-27-36> EDN: FXOSRC
22. Berkutova, V.V. (2018). Feminities in the Russian Language: Historical Aspect. *Filologicheskij Aspekt: Mezhdunarodnyj Nauchno-Prakticheskij Zhurnal*, 11 (43), 6–22. (In Russ.).
23. Berkutova, V.V. (2019). Feminities in the Russian Language: Linguistic Aspect. *Filologicheskij Aspekt: Mezhdunarodnyj Nauchno-Prakticheskij Zhurnal*, 1 (45), 7–26. (In Russ.). EDN: YWXSTB
24. Guzaerova, R.R., & Kosova, V.A. (2017). The Specificity of Feminities in the Modern Russian Media Space. *Филология и культура. Philology and Culture*, 4 (50), 11–15. (In Russ.). EDN: YLSHMI
25. Pugacheva, E.V. (2019). Feminities: a Neological Picture (According to Dictionaries). In: *Russian Language: Historical Destinies and Modernity: The VI International Congress of Russian Language Researchers*. (Moscow, March 20–23, 2019). Proceedings and Materials (pp. 88–89). Moscow: Moscow State University publ. (In Russ.).
26. Sekerina, M.E., & Zakharova, Yu.G. (2017). Feminities in the Language of Blogs. *Humanitarian Scientific Research*, 4. URL: <https://human.snauka.ru/2017/04/23665> (accessed: 20.10.2025). (In Russ.). EDN: YNDADV
27. Shulga, M.V. (2017). About the Vector of Development of the Russian Morphological System. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. Seriya 2. Yazykoznanie*, 16(4), 232–242. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.23> EDN: YTSDDN
28. Senko, E.V. (2014). The Analytical Effort of The Modern Russian Language. In: *Russian Language: Historical Destinies and Modernity: The V International Congress of Russian Language Researchers*. (Moscow, March 18–21, 2014). Proceedings and materials (pp. 143–144.). Moscow: Moscow State University publ. (In Russ.). EDN: TTQBTZ

29. Panov, M.V. (1999). *Positional Morphology of the Russian language*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
30. Bulatbaeva, K.N., Sarkiseeva, G.K., & Aitzhanov, K.B. (2020). Occasionalisms in Modern Language: New Aspects of Analysis. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 1(106), 10–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.37972/chgpu.2020.51.80.002> EDN: WOFAOB
31. Epstein, M.N. (2016). *From Knowledge to Creativity. How the Humanities Can Change the World*. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. (In Russ.).
32. Radbil', T.B. (2016). National Specifics of the Grammar of the Russian Language: Cognitive and Linguocultural Aspects. In: *Russian Grammar: A Collection of Abstracts of The International Scientific Symposium* (Moscow, April 13–15, 2016) (pp. 96–99). Moscow: A.S. Pushkin IRL publ. (In Russ.). EDN: XGTGKF
33. Rogova, K.A. (2018). Towards a New Academic Grammar. *World of the Russian Word*, 2, 5–12. (In Russ.). EDN: XWLMHZ
34. Khazagerov, G.G. (2020). *The Rhetorical Manifesto*. Rostov-on-Don: Rostov Rhetorician School publ. (In Russ.).
35. Brusenskaya, L.A., & Kulikova, E.G. (2021). Review on “Rhetorical Manifesto” by G.G. Khazagerov (Rostov-on-Don: Rostov rhetorician school publ. 2020. 45 p.). *Communication Studies*, 8(1), 185–193. (In Russ.). [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(1\).185-193](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(1).185-193) EDN: GXTAFS

Сведения об авторах:

Куликова Элла Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *e-mail*: kulikova-eg@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-5305-8789; SPIN-код: 6607-2130; AuthorID: 360662; Scopus AuthorID: 56511592000; ResearcherID: R-2961-2016.

Барабаш Виктор Владимирович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, заведующий кафедрой массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *e-mail*: barabash-vv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-8909-2145; Scopus: 57191418034; SPIN-код: 5585-6215; AuthorID: 268606; Scopus AuthorID: 57202091203; ResearcherID: ABC-3166-2021.

Information about the authors:

Ella G. Kulikova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Professor of Mass Communications Department, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *e-mail*: kulikova-eg@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-5305-8789; SPIN-code: 6607-2130; AuthorID: 360662; Scopus AuthorID: 56511592000; ResearcherID: R-2961-2016.

Victor V. Barabash, Dr. Sc. (Philology), Professor, Dean of Faculty of Philology, Head of Mass Communications Department, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *e-mail*: barabash-vv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-8909-2145; Scopus: 57191418034; SPIN-code: 5585-6215; AuthorID: 268606; Scopus AuthorID: 57202091203; ResearcherID: ABC-3166-2021.